

Л. А. ГОЛОФАСТ

**РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ ХЕРСОНА В XIII в.
(по находкам из слоя пожара)**

Херсонес, систематическое изучение которого ведется с конца XIX в., представляет огромный интерес для историка, занимающегося проблемами византийского города. Город погиб в результате внезапного пожара, который в последнее время относят к третьей четверти XIII в. [1] и, за исключением незначительной территории в Портовом районе, более не восстанавливался. Позже, в отличие от других византийских городов, остатки которых были перекрыты более поздними строениями, большая часть Херсона не была застроена и сохранила в неприкосновенности весь комплекс вещей и построек, которые были в употреблении в момент катастрофы, что подразумевает хорошую сохранность функционировавших на момент разрушения производств: помещений, горнов, печей, орудий труда, инструментов, отходов и т.п. Однако, до сих пор археологические свидетельства хозяйственной деятельности горожан из слоя пожара не были собраны и систематизированы и присутствуют в работах различных исследователей в виде разрозненных упоминаний о находках орудий труда и производственных приспособлений, а также многочисленных утверждений о производстве в городе амфор, пифосов, разнообразной поливной и простой посуды, металлических и стеклянных изделий. В результате сложилось представление о Херсоне первой половины XIII в. как о крупном производственном центре с многочисленными и разнообразными ремесленными мастерскими, снабжавшими округу всем необходимым [2, с. 663].

Целью предлагаемой работы явилось выявление и сведение воедино всех археологических данных, касающихся ремесел и промыслов, с учетом невозможности археологического сохранения следов некоторых из них. Явные признаки своего присутствия в виде печей, шлаков, отходов, инструментов, как правило, оставляют такие производства, как металлургическое, кузнечное, гончарное, стекольное, косторезное; орудия труда и инструменты, печи,

какие-то другие специфические приспособления и помещения позволяют говорить о таких занятиях горожан, как земледелие, скотоводство, рыболовство, выпечка хлеба и некоторых других.

К числу наиболее важных, несомненно, относилось металлообрабатывающее производство, обеспечивавшее остальные ремесла необходимыми материалами и инструментами. Последнее заставляет предполагать наличие в таком крупном ремесленном центре, каковым Херсон видится большинству исследователей, развитого металлообрабатывающего производства, представленного разными специализированными мастерскими. Однако, хотя разрозненные куски крицы и шлаков встречаются в ходе раскопок в разных кварталах города, пока имеются бесспорные археологические свидетельства существования в городе только одной мастерской по выплавке железа, датируемой авторами раскопок XII в. Мастерская была обнаружена на юго-восточном участке Портового квартала 2, в большой усадьбе, состоявшей из шести помещений. Во дворе усадьбы были обнаружены крицы и некая прямоугольная конструкция площадью около 1 м², а на улице, рядом с входившим в состав усадьбы двором – шлак [3, с. 113]. В одном из помещений открыта овальная в плане печь с большим количеством шлака и криц над ней [4, с. 307]. Железо в такой печи получали, засыпая мелко измельченную руду поверх или вперемешку с углем. Под воздействием окиси углерода, образующегося в процессе горения, окислы железа теряли кислород и превращались в железо, которое густой тестовидной массой, т.н. крицей или кричным железом, стекало в нижнюю часть печи [5, с. 123, 126]. Полученную крицу тщательно проковывали, удаляя с ее поверхности частицы шлака и устраняя пористость. В результате получали железную заготовку, из которой впоследствии делали различные металлические изделия.

Объем производства открытой мастерской был небольшим и, скорее всего, рассчитан на удовлетворение собственных нужд и потребностей незначительного числа соседей: ее остатки не идут ни в какое сравнение с остатками работавших на рынок мастерских, как, например, в Тырново, где рядом с восемью печами найдено в общей сложности около 3000 кг кусков железа, смешанных со шлаком [6, р. 675].

Кроме описанной мастерской по выплавке железа, в городе выявлено несколько усадеб, в которых имеются признаки того, что их хозяева в большей или меньшей степени могли заниматься изготовлением каких-то металлических изделий. Две из них выявлены в Северо-восточном районе города: в усадьбе III квартала III, где были найдены одиннадцать заготовок в форме кружков диаметром 5, 6 и 7 см, многочисленные куски угля и железные обломки, возможно, являющиеся полуфабрикатами [7, с. 71, 94], и в усадьбе 2 квартала II, где отмечена находка 22 кусков железа (заготовки, спекшиеся остатки каких-то изделий) [7, с. 60-61].

Еще одна мастерская по обработке металла, датирующаяся XIII в., возможно, размещалась в одной из усадеб XXII квартала Северного прибрежного района города (раскопки 1933 года). Здесь были найдены каменная литейная форма с кольцевидными углублениями для производства свинцовых грузил, крупные точильные камни, которые были обязательным атрибутом кузнеца, а в подвале – большое количество металлических предметов (2 сошника, замки, планки, петли, гвозди, втулки, 102 рыболовных крючка и т.д.), возможно, запас готовой продукции, который всегда имелся при кузницах. Горном мог служить очаг, обложенный поставленными на ребро плитами и открытый в помещении с широким выходом в сторону двора [8, с. 261-263].

Не исключено, что находка в одном из помещений в квартале IX-Б Северного района пяти обломков якорей, трех сошников, 147 больших медных рыболовных крючков и множества поломанных железных предметов [9, с. 14] тоже указывает на наличие здесь металлообрабатывающей мастерской, при которой имелась лавка с выходом на улицу.

Наличие кузницы предполагается также в усадьбе 9 Портового квартала 1, где были найдены фрагмент кузнечных клещей с уплощенными губками, зубило и десять железных замков [10, с. 20], которые позволили сделать предположение, что проживавший в усадьбе мастер делал или чинил замки [11, с. 145]. Однако необходимый для этого набор инструментов, в который входили наковальни, молоты и несколько напильников различного сечения [5, с. 222], в усадьбе обнаружен не был. Не выявлен в усадьбе и горн, который был основным оборудованием кузницы, хотя горном могла служить обыкновенная жаровня, например, выложенное каким-то огнеупорным материалом углубление в земле, с воздуховыми мехами [11, с. 139-140].

Других более или менее выраженных следов металлообрабатывающего производства в городе пока не обнаружено, хотя в некоторых усадьбах иногда находят разрозненные предметы, так или иначе связанные с обработкой металла. К таким находкам относятся:

1. 5 тиглей (3 – в квартале XVIII Северного прибрежного района [12, л. 54; 13, с. 227] и 2 – в усадьбе 3 квартала X-A [14, л. 7];

2. Зубило – центральная часть города [15, с. 58];

4. Куски железного шлака – продольная улица у часовни в квартале XXVIII [16, л. 15].

5. 7 форм для отливки колец-грузил, которые делали, скорее всего, из свинца, требующего более низких температур, чем выплавка железа, и потому с ним можно было работать в домашних условиях и плавить в обычных печах. По одной форме найдены в квартале XXII [8, с. 256, рис. 91, 1] и усадьбе 1 квартала XXV [17, л. 5-13], еще 5 происходят из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича [18, с. 42, 74; 15, с. 58; 19, с. 44].

6. Куски свинца – XXVIII квартал [20, л. 12];

7. Наковальня – усадьба 2 квартала X-A [21, л. 31];

8. Тигель с каплями меди – помещение 15 в квартале X-Б, правда, тигель был обнаружен на сильно потревоженном монастырским строительством участке [22, л. 4].

9. Форма для отливки свинцовых печатей – усадьба 2 квартала X-A [21, л. 31].

10. Возможно, формой для отливки или тиснения служило найденное в усадьбе 1 квартала X изделие из легкого мелкопористого камня с четырьмя гнездами, в которых можно было формовать подвески, пуговицы или бляшки [1, с. 223].

Как видим, инструменты, которые должен был иметь мастер по обработке металла, в Херсонесе представлены буквально единичными экземплярами. Среди находок в отчетах вообще не упоминаются такие инструменты, как пробойники, напильники, наковальни с гвоздильным отверстием, молоты-кувалды и многие другие, а характер большинства перечисленных находок не позволяет уверенно их идентифицировать как следы производства. В тех же случаях, когда выявлены явные признаки его присутствия, мы можем говорить только об очень мелком производстве простых в изготовлении вещей для собственного использования или, в крайнем случае, для небольшого числа соседей. Каких-либо признаков наличия в городе металлообрабатывающих мастерских, работавших непосредственно на рынок, нет. Более того, выявленные следы не дают достаточных оснований использовать термин «мастерская». Скорее всего, речь может идти лишь об эпизодическом изготовлении каких-то предметов, «изготовлении по мере необходимости». Что же касается выплавки металла, то мы можем говорить лишь об одной мастерской подобного рода, хотя не исключено, что железо плавил не в городе, а поближе к источнику сырья, коим, как и в античности, могла быть болотная руда, месторождения которой имеются недалеко от города (район Балаклавы и Гераклеяский полуостров). Однако, наличие поблизости металлургического производства предполагает более значительных объемов и более широкого ассортимента продукции, изготавливаемой из «своего» металла. Поэтому логичнее предположить, что металлические предметы поступали в город, главным образом, в готовом виде, а металл для мелких местных металлообрабатывающих мастерских поступал в виде заготовок частично из местного железорудного источника, а частично из источников, которые снабжали всю империю¹.

¹ Известно, что олово, необходимое для производства бронзы, добывали в горах Тавра, а широко использовавшийся в то время свинец – в районе Трапезунда [23, с. 24]. Источники меди не очень хорошо известны, но в ранневизантийский период часть потребности в ней удовлетворялась за счет месторождений Кавказа, южного Понта, северной Сирии и цент-

Еще одно производство, наличие которого в городе не вызывает у исследователей сомнений, – гончарное. К продукции местных мастерских обычно относят довольно обширный ассортимент изделий, включающий плоскодонные амфоры, пифосы, целый набор кухонной и столовой посуды, в который входят куманы, различной формы кувшины, флаконы, миски, цедилки и прочее. Качество изделий, традиционно признаваемых местными, свидетельствует о довольно высоком уровне мастеров, их изготовлявших: как правило, они сделаны из плотной хорошо отмученной глины, аккуратно сформованы, хорошо обожжены, поверхность их хорошо заглажена и часто богато орнаментирована. Возникает естественный вопрос, где производили перечисленную керамику, разнообразный ассортимент которой и принадлежность к числу доминирующих групп предполагают наличие в городе, по крайней мере, нескольких мастерских по ее производству. Однако, практически все открытые на сегодняшний день гончарные мастерские Херсонеса были предназначены для обжига черепицы, относятся к более раннему времени и застроены домами, сгоревшими в пожаре первой половины XIII в. Только одна мастерская претендует на функционирование до момента пожара. Она открыта на пересечении V поперечной и II продольной улиц, в западном углу III квартала Северо-восточного района² и включает две большие круглые в плане обжигательные печи, располагавшиеся на большом дворе, отделенном от остальной части квартала стеной [7, с. 65]. Автор раскопок Р.Х. Лепер и А.Л. Якобсон относили строительство печей к IX-X вв. [7, с. 78]. К сожалению, ход раскопок мастерской практически не зафиксирован в полевой документации, и получить какой-либо датирующий ее материал, а также какую-то информацию о том, что она производила, уже невозможно. Однако, еще А.Л. Якобсон отмечал, что «производство, надо думать, продолжалось и в позднесредневековый период» [7, с. 78]. Действительно, в противном случае трудно представить, что заброшенная мастерская, расположенная рядом с кафедральным собором, после катастрофы конца X – начала XI вв. не была снесена и застроена, как практически все кварталы города, или, что на такой престижной территории был оставлен пустырь с заброшенными печами. Смущает только тот факт, что неизбежное при таком производстве большое количество брака и отходов было совсем не отмечено в дневнике Р.Х. Лепера. Но даже если

ральных Балкан [24, с. 102]. Кроме того, известно, что в XIV-XV вв. медь в Крым поступала из Синопа, причем поступала в слитках и брусках [23, с. 24]. Скорее всего, в таком виде в город поступали все цветные металлы, которые старались выплавлять поближе к источнику сырья.

² Судя по остаткам круглой обжигательной печи эллинистического периода, обнаруженным под вымосткой из каменных плит, участок издревле был занят керамическим производством [7, с. 78].

допустить, что мастерская в III квартале функционировала вплоть до пожара XIII в., она не могла выпустить весь объем керамики, приписываемой Херсонесу.

А.Л. Якобсон высказал предположение, что для обжига керамики могли использовать обычные кухонные печи без дымохода и топочной камеры [7, с. 163-165]. Однако, против такого предположения говорит очень хорошее качество «херсонесских» сосудов, невозможное при таком кустарном обжиге, и полное отсутствие при таких печах отходов, значительное количество которых неизбежно сопровождает гончарное производство.

Можно также предположить, что мастерские по производству керамики выносили за пределы городской территории, что соответствовало бы утверждению Аскалонита о том, что керамическое производство в городе не разрешалось [27, с. 217]. Однако, приведенные им правила были действительны в Палестине в течение VI в., а в период с IX по XV вв. были абсолютным анахронизмом: в городах запрет строить шумные и другие нежелательные мастерские в жилых кварталах не соблюдали [28, р. 98]. В качестве доказательства можно привести остатки, по меньшей мере, четырех гончарных мастерских XI-XII вв., открытых в Коринфе в непосредственной близости к центру города [29, р. 10]. Но даже если допустить, что печи располагались вне города, то тогда непонятно, почему до сих пор за пределами оборонительных стен не выявлена ни одна гончарная мастерская XI-XIII вв., при том, что там обнаружено несколько более ранних мастерских VIII-IX вв.

В этой связи следует упомянуть мастерскую, часть которой была открыта в ходе раскопок мусорной засыпи по обеим сторонам дорожной дамбы, подводившей к калитке в протейхизме с наружной стороны юго-восточного участка оборонительных стен. По мнению автора раскопок, мастерская возникла в конце XI – XII вв. на мусорной насыпи, призванной поднять уровень земли у калитки. От мастерской сохранились производственное помещение, прилепившееся к самой протейхизме, и большая куча бракованной посуды, обнаруженная в его северо-восточном углу. Сами обжигательные печи открыты не были, но большое количество производственного брака позволило Н.В. Пятышевой предположить близость обжигательной керамической печи [30, л. 16]. Брак включал «битые деформированные амфоры, покрытые стекловидным налетом зеленоватого бурого цвета, появившегося в результате перекала при обжиге». К сожалению, сам материал из раскопок мастерской не сохранился, но, судя по описанию, «в подавляющем большинстве это были плоскодонные амфоры с волнисто-линейным врезным орнаментом, а также миски и кувшины с орнаментальными защипами, характерными для посуды XII в.». При описании материала Н.В. Пятышева ссылается на рисунок 32а, с. 140 в статье Г.Д. Белова и А.Л. Якобсона «Квартал XVII (раскопки 1940 г.)» [46] и рисунки 50-52, с. 102 и сл. в монографии А.Л. Якобсона «Средневековый Хер-

сонес (XII-XIV вв.)» [31, с. 66-67], на которых изображены амфоры с бугристой внутренней поверхностью и трехручные сосуды. Кроме того, автор раскопок указывает, что «пожар, уничтоживший эти строения, можно предположительно отнести к XIII в.» [30, л. 16]. Однако, в Отчете о раскопках на рисунке 48, на который ссылается Н.В. Пятышева, изображены амфоры т.н. северо-причерноморского типа, датирующиеся VIII-IX вв. Несоответствие данной автором раскопок ссылки изображенному на рисунке, возможно, объясняется ошибкой в указании рисунка в Отчете. Дело в том, что в том же году экспедиция заложила траншею вдоль наружной стороны Западной оборонительной стены, и в ходе этих раскопок было обнаружено несколько куч бракованных амфор северо-причерноморского типа. Возможно, при оформлении Отчета фотографии были перепутаны, и вместо фотографий бракованных амфор XII-XIII вв. в Отчет были включены только фотографии амфор, найденных в районе Западных оборонительных стен. Подтверждением тому, что в Отчете была допущена ошибка при ссылке на фотографию, служит и стратиграфия участка. Протейхизма, к которой вплотную было пристроено производственное помещение и составляющая его четвертую стену, была построена, по мнению автора раскопок, в VII-XIII вв. «Следом за постройкой стены была сооружена дорожная насыпь, подводившая к калитке и свертывавшая влево вдоль стены к западу. Каменный настил дамбы неоднократно ремонтировался. По видимому, в конце X в. дамба была разрушена, после чего в XI-XII вв. уровень местности вокруг нее был поднят путем специальной засыпи, слою которой идут с высоты дорожной насыпи вниз» [30, л. 12-13]. «Характер находок в насыпи самой дамбы между ее стенками-крепидами и в насыпи за стенками с наружной стороны резко отличен: материал насыпи дамбы античный и средневековый и лишь в самом ее верху попались поливные черепки X в.». Со всем другим материалом содержал мусорный слой по обеим сторонам крепида-дамбы. Он включал громадное количество раковин съедобных моллюсков и черепков, в том числе поливу XII в. Именно на этой мусорной насыпи и возникла керамическая мастерская, которая, следовательно, не может быть датирована временем ранее, по крайней мере, XII века [31, с. 66-67]. Таким образом, нельзя исключать вероятности того, что описанная мастерская могла производить амфоры с бугристой внутренней поверхностью и трехручные сосуды, конечно, при условии, что упомянутая исследовательницей «большая куча бракованной посуды» не была сбросом мусора, вывозившегося из города после пожара XIII в., т.к. «стекловидный налет зеленоватого бурого цвета» не всегда является признаком перекала при обжиге, а может образоваться в результате пребывания сосудов в сильном пожаре.

Говоря о гончарном производстве, нельзя обойти вопрос об изготовлении в Херсонесе поливной керамики, в производстве которой в XII-XIII вв.

произошел настоящий взрыв: появляется большое количество новых мастерских и центров, растут объемы выпускаемой продукции. Поэтому трудно представить, что Херсонес не имел собственного производства поливы, которое в то время имели даже некоторые сельские поселения. Все эти факты, вкупе с насыщенностью верхних слоев города фрагментами поливной керамики, заставили исследователей херсонесского средневековья с уверенностью говорить о местном производстве глазурованной посуды. К местной продукции причисляли полихромную керамику с графическим рисунком (группа 6, по Якобсону [32, с. 133-140, рис. 84-88]; класс II, по V. Françoise [33, р. 96-98]), монохромные сосуды с мелким гребенчатым орнаментом, керамику группы Зевксиппа и некоторые другие. Помимо доминирования керамики указанных групп в керамическом комплексе Херсонеса, основанием для таких выводов служило в ряде случаев отсутствие аналогичных находок в других регионах византийского или околотовизантийского мира. Однако, к настоящему времени определены центры или районы изготовления значительной части выявленных в городе групп поливной керамики и стали известны находки точных аналогий керамике, ранее считающейся херсонесским «эндемиком», в других далеких от Херсонеса регионах. Однако, главная «странность» заключается в том, что, несмотря на большую площадь раскопанной территории, в городе до сих пор не найдены не только печи, специально приспособленные для обжига поливной керамики, но и какие-либо отходы, бракованные изделия и характерные для данного производства приспособления (глиняные триподы, стержни и S-образные крючки), которые в центрах производства находят сотнями [34, р. 202]. Находку же двух триподов³ – одного на территории Херсонеса и второго на Гераклеяском полуострове [36, с. 44, рис. 41; 32, с. 146, рис. 93,3-4] – нельзя считать достаточным свидетельством производства поливной керамики в городе или его ближайших окрестностях.

Еще одно производство, наличие которого в Херсонесе традиционно признается исследователями – стекольное. По мнению В.В. Кропоткина и Ю.Л. Шаповой, Херсонес, имевший свои стеклоделательные мастерские в римский и, возможно, ранневизантийский период [37], в IX-X вв. возобновил его и стал ведущим центром по производству стеклянных браслетов в Северном Причерноморье [38, с. 36; 39, с. 118]. Свое предположение они основывают на находках огромного их количества в слоях, датирующихся

³ Триподы, изобретение которых позволило значительно увеличить количество одновременно обжигаемой посуды, появились на Дальнем Востоке еще на заре христианской эры. Затем с помощью мусульманских купцов они становятся известны на Ближнем Востоке (в IX в. следы трипода появляются на персидских и египетских сосудах) и, наконец, в конце XII в. появляются в Византии, в немалой степени способствуя росту объемов производства [35, р. 606].

временем после середины IX в. К херсонесской продукции исследователи относят браслеты со слоем продуктов выветривания на поверхности [40, с. 176]. Однако, археологически присутствие собственного стекольного производства, которое обычно оставляет после себя большое количество разного рода следов (куски фритты и стекла, фрагменты варочных бассейнов или горшков, бракованные изделия, иногда кучи битого стекла, предназначенного для переплавки или запасы песка и т.п.)⁴, в Херсонесе пока никак не подтверждено, а сам по себе факт наличия большого количества браслетов, характеризующихся одинаковыми признаками, не может служить бесспорным доказательством их местного производства.

Что же касается стеклянных сосудов, то в слое пожара XIII века они выявлены в незначительном количестве. И хотя ассортимент их довольно разнообразен, некоторые формы часто представлены единственным экземпляром, что исключает их местное производство.

Примитивность техники строительства указывает на то, что жители города, скорее всего, строили свои дома сами. Для этого не нужны были навыки каменотеса, т.к. камень брали из развалин старых домов, а многочисленные сполы – из разрушенных базилик⁵ и использовали в том виде, в каком находили, без дополнительной обработки⁶. Обитатели строящихся

⁴ Достаточно вспомнить, какое огромное количество отходов оставила после себя небольшая стеклоделательная мастерская XI-XII вв., открытая в Коринфе [41, р. 297, 299].

⁵ Только в одном квартале X Северного района были выявлены следующие архитектурные детали вторичного использования, т.н. *сполы*: мраморный порог в часовне, мраморная колонна, найденная у входа в часовню, две колонны, приспособленные в качестве подставки под жернова, небольшая мраморная импостная капитель, фрагменты мраморной алтарной преграды [1, с. 223-224, рис. 27,1,2,4].

⁶ Использование сполы совсем не свидетельствует о бедности жителей Херсона, которым не хватало средств на покупку или добычу новых строительных материалов. Практика использования сполы, главное преимущество которых, вне зависимости от их исторической и художественной ценности, заключалось в легкости и дешевизне их применения, была характерна для всей Византийской империи, полностью построенной на руинах древнего мира. Сполы, включая самые простые строительные материалы, использовали даже тогда, когда строительство заказывали люди самого высокого ранга, включая императорскую семью: при сооружении императорского домового храма Богородицы Форосской в ход пошли распиленные императорские саркофаги, а в константинопольской церкви Христа Пантократора – скульптуры из разрушенной церкви св. Полиевкта [42, р. 510]. Часто отделочный материал снимали с еще исправных зданий. Так, Иоанн I Цимисхий, не жалевший средств на постройку церкви Спасителя у ворот Халки в 971 году, добывал все необходимые материалы, разрушив бани Ойкономейон в Большом Дворце. Никита Хониат отмечает, что император Исаак Ангел (1185-1195), который «кроме всего прочего ... очень стремился строить невероятные здания», снял мраморные плиты пола и облицовку стен Большого Дворца, пустив их на реконструкцию церкви св. Михаила в районе Анаплос [43, с. 153, 155]. Широкое использование сполы навело

домов, по всей видимости, сами производили и штукатурные работы: с внутренней стороны стены домов, как правило, покрыты известковым раствором или известковой штукатуркой [54, л. 5; 55, л. 29]. находка в городе всего трех штукатурных лопаток (в кварталах XXV [48, с. 61, рис. 46] и XXVIII [20, л. 10], а также в центральной части города [18, с. 73]), возможно, объясняется использованием в этих целях каких-то деревянных приспособлений. К числу орудий труда, необходимых при строительных работах, можно отнести также 5 выявленных в ходе раскопок кирок (в центральной части города [18, с. 73], квартале XIV [45, с. 307], XXV [48, с. 49, рис. 34] и XXVIII [16, л. 23] Северного прибрежного района) и найденный в 1903 году в центральной части города «молоток железный каменщицкий» [18, с. 73].

Возможно, делом специалистов было только изготовление тесаных камней для обрамления дверных и оконных проемов, которые часто имели арочное завершение, карнизов [8, с. 209; 57, с. 91, 165; 50, л. 5], украшавших фасады домов, и камней с рельефными изображениями животных, плетенок, простых и процветших крестов, иногда помещавшихся над входом в усадьбы или над окнами. По предположению С.Г. Рыжова, один из таких специалистов жил в усадьбе 3 квартала X-A, во дворе которой за невысокой (около 1 м) перегородкой был выявлен толстый (0,4 м) слой известкового отеса [14, л. 7], хотя инструментов, необходимых для обработки камня, в усадьбе не найдено. Считается, что для обработки каменных поверхностей использовали железные зубатки, которые относятся к числу орудий труда, наиболее часто встречаемых в рассматриваемом слое. Она представляла собой инструмент в виде массивной пластины прямоугольной формы со слегка выпуклым верхним краем и мелкими зубцами на нижнем заостренном, более тонком крае. Длина пластины обычно составляла 22-23 см, ширина – 6,0-7,5 см, посередине приваривали выступ для насаживания на него деревянной или костяной ручки (в усадьбе 1 квартала XIII-XVIII была найдена зубатка с обуглившейся костяной ручкой [45, с. 290])⁷. Всего в Херсонесе найдено 22 зубатки: в усадьбе 1, квартал XIV [45, с. 290]; в усадьбах 2, 4 и 5 квартала XVII [46, с. 145, 154, 155]; в насыпи апсиды часовни в квартале XVI [47, с. 101]; в усадьбах 1 (2 зубатки) и 2 в квартале XXV [48, с. 32, 57, рис. 32]; в усадьбе 2 квартала XXV [49, с. 57];

Р. Оустерхаута на мысль о возможности существования в те времена чего-либо подобного современным магазинам «секонд хэнд» для продажи материалов вторичного использования [43, с. 155, 157]. Сплоии, считавшиеся ценными объектами, упоминаются среди товаров, военных трофеев, залогов при заемах, приданого и пожертвований [44, р. 552-553].

⁷ Правда, использование подобных инструментов для обработки каменных поверхностей следует оставить под вопросом. В археологической литературе встречаются определения аналогичных инструментов как скребниц для лошадей [53, р. 128, fig. 154,a-b].

четыре зубатки найдены в квартале XXVIII [16, л. 20-28; 20, л. 13, 15; 50, л. 12]; в усадьбе 3 квартала XXIX [8, с. 212, рис. 23,1]; три зубатки найдены и в усадьбе, открытой в 2000 году в IX-Б квартале [51, л. 18, 26]; в усадьбе 6 квартала X-A [14, л. 22]; в квартале XCVII Северо-восточного района [52, с. 182, рис. 7]; 3 зубатки были найдены в центральной части города [18, с. 73] и т.д.

Навыки каменщика требовались и при изготовлении жерновов, принадлежащих к числу обязательных атрибутов практически всех усадеб города. Возможно, один из мастеров-жерновщиков жил в усадьбе 1 квартала XXV Северного прибрежного района, где, помимо нескольких пар жерновов, было найдено 9 плит для их изготовления и две зубатки [48, с. 30-56]. Однако, для подгонки металлических деталей жернова требовались еще и навыки и инструменты кузнеца – наковальня, молот и клещи.

К числу наиболее важных материалов относилось дерево, хотя об ассортименте деревянных изделий, использовавшихся горожанами, можно только догадываться, т.к. органика практически не сохраняется в крымской почве. Однако, не вызывает сомнений, что дерево широко использовали в строительстве, где из него делали леса, перекрытия, полы, двери, оконные проемы; из дерева изготавливали разнообразную домашнюю утварь и приспособления для ремесел (ткацкие станки, пряслица, веретена, гончарные круги, рукояти различных орудий труда, формы для изготовления черепицы); одной из наиболее важных областей его применения было также строительство повозок, кораблей и лодок. Из дерева была сделана мебель: полки, которые относились к числу наиболее удобных и дешевых предметов интерьера⁸, столы⁹, чрезвычайно популярные сундуки, в которых хранили одежду и посуду и часто использовали в качестве кроватей и скамеек¹⁰. Источником сырья были, скорее всего, окрестные леса: даже в первой половине XVII-XVIII вв. строевым

⁸ Полки обычно навешивали в углу помещения или вдоль стен. Подтверждением тому служат находки различных вещей вдоль стен помещений или в углах. Например, в восточном углу одного из помещений XX квартала найдены фрагменты поливной посуды и серебряная пластинка с чеканным орнаментом и двумя гвоздиками по углам, служившая, по-видимому, украшением ларца, в котором лежали найденные здесь же крест, створка энколпиона и нательный крестик. В том же восточном углу другого помещения того же квартала были обнаружены бронзовый votивный крест, фрагменты бронзовой оправы еще одного креста, по всей видимости, деревянного и многочисленные фрагменты поливной посуды. Поливные тарелки, фрагменты которых часто находят вдоль стен помещений, также, по-видимому, стояли на полках.

⁹ Остатки двух обуглившихся во время пожара столов были открыты при раскопках усадеб в районе храма с ковчегом [58, с. 302; 59, с. 291].

¹⁰ В усадьбе 8 в Портовом квартале 1 в подвале одного из помещений были найдены, скорее всего, упавшие со второго этажа железные и бронзовые накладные пластины от сундука [11, с. 132].

лесом славилась Балаклава и Южный берег Крыма, где были представлены все наиболее распространенные породы дерева (дуб, бук, граб, клен, липа, сосна, можжевельник, тис, ясень, грецкий орех) [60, с. 37; 8, с. 255]. Что же касается орудий труда, то из упоминаемых в письменных источниках инструментов (однолезвийный топор, тесло, бурав, пила, отвес, рубанок, долото, скобель, молоток, нож, циркуль, токарный станок и т.д. [61, с. 234]) в Херсоне в слое пожара XIII в. обнаружены только топоры, тесла, долота, скобели, пилы, бурав [62, с. 31] и обломок молотка [57]. Правда, мы не можем точно сказать, все ли упоминаемые в отчетах топоры предназначались для обработки дерева: в зависимости от назначения они имели разную форму и могли быть земледельческими, плотничьими, столярными, лесорубными, боевыми и т.д. Из-за невозможности в рамках данной работы определить точное назначение каждого, мы даем перечень всех находок: топоры найдены в усадьбе 1 квартала X-A [21, л. 25], усадьбе 1 квартала XV [47, с. 92], усадьбе 5 квартала XVII [46, с. 155], усадьбе 1 XXV квартала [48, с. 32, рис. 34], в одной из усадеб квартала XXVIII [16, л. 26], усадьбах 2 (2 топора) [7, с. 68] и 5 [7, с. 75] квартала III Северо-восточного района, еще один топор происходит из раскопок конца XIX в. в том же районе [63, с. 166], в доме 1970 года на театральном участке [64, л. 23], 3 топора были найдены в Портовом районе: в районе Приморской оборонительной стены [65, с. 57-58] и в Портовом квартале 1 [36, с. 43]. Кроме того, в IX квартале Северного района, был найден инструмент, который был определен автором раскопок как топор-тесло [51, л. 8; 56].

Сложности возникают при определении назначения инструментов в виде узкой расширяющейся книзу лопаты со слегка изогнутой внутрь втулкой на верхнем конце, которые в литературе, посвященной раскопкам Херсонеса, обычно определяют как мотыги, использовавшиеся для глубокого взрыхления почвы. Однако, подобные инструменты типологически очень трудно отделить от тесла, которое предназначалось для предварительного грубого выдалбливания в дереве разнообразных выемов, изготовления больших вещей и выравнивания поверхности досок, поэтому в археологической литературе их обычно определяют как тесла-мотыжки [66, с. 89; 67, с. 146, рис. 5,1-8; 5, с. 183]. Соответственно, нельзя причислять к разряду сельскохозяйственных все найденные в Херсонесе инструменты подобного рода, какая-то их часть вполне могла служить теслами. Описанные инструменты обнаружены в усадьбе 1 квартала XXV [48, с. 32, 49, рис. 33], на продольной улице возле квартала XXV [8, с. 244], в помещении IV квартала XXV («железный предмет в виде небольшой мотыги») [8, с. 248], в одной из усадеб квартала XXVIII [16, л. 26], в усадьбе 2 квартала XXIX («железное орудие невыясненного назначения в виде маленькой мотыги») [8, с. 210].

Дополнением к теслу служили долото, использовавшееся для долбления разнообразных пазов, выемов и внутренних объемов, и скобель, представлявший собой скобу с острыми краями и одной или двумя рукоятками, которым сдирали кору с бревен и выстругивали поверхности. Находки этих инструментов встречаются довольно редко: три долота были найдены в центральной части города [62, с. 31; 18, с. 73], одно – в квартале XXII [8, с. 260], два в квартале XXVIII [20, л. 13; 68, л. 13] Северного прибрежного района. Два скобеля обнаружены в квартале XXVIII [68, л. 13, 18] и усадьбе 4 квартала XVII [46, с. 153]. Возможно, как скобель можно определить найденную в усадьбе 1 XXV квартала железную пластину длиной 34,5 см и шириной 2,5-3,5 см с небольшим изгибом и узкими выступами на концах [48, с. 50, рис. 36].

Пилы, которыми наряду с работами по дереву могли распиливать камень и кость, относятся к редким находкам. Одна была найдена в усадьбе 1 квартала XIV [45, с. 290], вторая – в усадьбе 1 квартала XIX [69, с. 279], третья – в усадьбе 1 квартала X-A [21, л. 14].

Изготовление большей части костяных изделий, выявленных в ходе раскопок Херсонеса, не требовало особых умений и инструментов и, скорее всего, производилось самими горожанами для собственного пользования из легко доступного сырья, которым обеспечивали их занятия скотоводством и охотой. Изучение коллекции костяных изделий из раскопок Портового района Херсонеса показало, что в качестве материала широко использовали трубчатые кости и астрагалы (короткие кости стопы) крупных домашних и диких животных, рог козы и дикого оленя, а также трубчатые кости птиц и раковины устриц [71, с. 51]. Изделия, отличающиеся особо хорошим качеством сырья, следами использования токарного станка, орнаментацией, были, скорее всего, сделаны профессиональными ремесленниками [72, с. 205, 207-208], которых, судя по незначительному количеству таких изделий, в Херсонесе было немного, если, конечно, упомянутые предметы не были привозными. Во всяком случае, на сегодняшний день выявлены следы только одной косторезной мастерской XII-XIII вв.: в одном из помещений на театральной участке были найдены обломки костяных пластин с резным геометрическим орнаментом, заготовки и отходы производства [59, с. 291].

Несомненно, с домашним хозяйством были тесно связаны прядение и ткачество, которыми постоянно занимались византийские горожанки. В Херсонесе сырьем служила, прежде всего, шерсть, которую получали от овец, разводимых жителями города (кости овец в большом количестве находят при раскопках), и, возможно, в ходе торгового обмена с кочевниками. Шерсть чесали специальными железными гребнями с длинными (более 7 см) частыми зубьями, которые вставляли в деревянную дощечку, заключенную, в свою очередь, в железную оправу. Всего к настоящему моменту известны находки

17 таких гребней, происходящих из слоя пожара XIII в.: в усадьбе 3 квартала XVII [46, с. 150]; из усадеб XX квартала [57, с. 167]; из усадеб XXII квартала [8, с. 256, рис. 90]; в усадьбе 1 квартала XXV [17, л. 10]; из нескольких усадеб квартала XXVIII [16, л. 23; 20, л. 15; 68, л. 18]; в усадьбе 3 квартала XXIX [8, с. 211]; в квартале VIII [73, л. 21]; в квартале IX было найдено две таких щетки [51, л. 18, 21]; в усадьбе 1 квартала X-A [21, л. 25]; по два гребня найдены в усадьбе 1 квартала X Северного района [1, с. 212, рис. 18,1,2] и усадьбе 9 Портового квартала 1 [10, с. 20]; в квартале XCVII Северо-восточного района [52, с. 182, рис. 7]. Что же касается каменных, глиняных и костяных пряслиц, то они относятся к разряду обычных находок, количество которых в виду их многочисленности трудно определить.

К числу обязательных составляющих инвентаря почти всех усадеб города относятся рыболовные принадлежности, хотя их количество в разных хозяйствах варьирует от одного-двух крючков, грузил или игл для плетения сетей до целых комплектов. Немногочисленность находок рыболовного инвентаря в большинстве усадеб города свидетельствует о том, что рыболовство не относилось к числу основных занятий их обитателей, а имело подсобный характер и сочеталось с занятием сельским хозяйством и ремеслами. Причем, находки игл для плетения сетей и матриц для отливки грузил говорят о том, что рыбаки часто сами делали рыболовные снасти.

Из-за неравномерной изученности и разной степени сохранности кварталов, расположенных в различных районах, трудно сказать, играло ли рыболовство приоритетную роль в каком-либо из районов или кварталов города: по всей территории Херсона выявлены усадьбы, насыщенные различными приспособлениями для ловли рыбы, хотя не исключено, что несколько большее значение рыболовство играло в жизни Северного прибрежного района, где такие усадьбы встречаются чаще. Хорошим примером служит квартал XXIX, в разных усадьбах которого найдены куча из 61 глиняного грузила бочковидной формы; около 30 таких же грузил, а также большая острога; 44 грузила и 102 бронзовых рыболовных крючка; 13 свинцовых кольцевидных грузил для сети-намета, 23 рыболовных крючка, железная острога с тремя зубцами и железная драга из четырех загнутых зубьев для добывания ракушек со дна моря [74, с. 236].

Из письменных источников (новеллы Льва VI, Устав города Кафы о рыбном промысле, документы города Зары и др.) известно, что в приморских городах существовали рыболовецкие товарищества, в которые вступали собственники земельных участков, примыкающих к морю. Они ловили сообща рыбу и делили ее между членами артели [27, с. 232, 233]. Нескольким лицам, как правило, принадлежали и суда, чаще это были обыкновенные рыбацкие лодки («сандалии»), с которых ловили рыбу [27, с. 235]. Археологически лодки никак не выявляются. Лишь иногда находят якоря, а еще реже пеньку, гвоз-

ди и смолу, употреблявшиеся для постройки и ремонта морских судов. Большая часть находок подобного рода также обнаружена в Северном прибрежном районе: в квартале XXV в усадьбе 1 была найдена якорная цепь длиной около 2 м [48, с. 51]; в усадьбе 2 – куча кусков смолы и пенька, а также массивный стержень толщиной 35 см и длиной 55 см с толстым кольцом диаметром 24 см на одном конце и выступом в виде шипа на другом, который, возможно, вделывался в борт судна для каната, продевавшегося в кольцо [48, с. 57, 58, 60]; в усадьбе 3 – якорная цепь [48, с. 63]; в усадьбе 3 квартала XXV (раскопки 1956 года) – звенья массивной якорной цепи [49, с. 57]; в разных усадьбах квартала XXVIII обнаружены 5 якорей [48, с. 57; 20, л. 10, 13, 15; 50, л. 5]; возможно, якорем служила известняковая плита с отверстием, лежавшая на одной из улиц, ограничивающих квартал XXIX [8, с. 209]; в усадьбе 6 XXIX квартала были найдены куски каната [8, с. 214]; каменный якорь обнаружен на пустыре в XXIX квартале [75, л. 13]; 5 обломков якорей найдены в одном из помещений в квартале IX Северного района [9, с. 14]. Значительно меньшее количество подобных находок происходит из других районов города: один якорь был найден в усадьбе, расположенной вдоль III поперечной улицы в квартале II Северо-восточного района [7, с. 58]; лапа массивного железного якоря обнаружена в одном из помещений VI квартала того же района [76, л. 8, рис. 23]; в Портovém районе также удалось выявить каменный якорь, кусок железного якоря и железное палубное кольцо [19, с. 44; 77, с. 94]; часть железной якорной цепи, массивное железное кольцо для привязывания судов к пристани (так определил назначение кольца автор раскопок), якорь с двумя лапами и отверстием для штока и 2 больших камня со сквозным отверстием, также, по-видимому, служившие якорями на небольших лодках, были найдены при раскопках поздних помещений на центральной площади города [63, с. 169; 18, с. 76; 19, с. 56].

Судя по составу рыболовных принадлежностей, большинство семей ограничивалось обычной ловлей рыбы сетью – в усадьбах в основном находят комплекты глиняных или каменных грузил разной формы (плоских, бочковидных, пирамидальных, круглых). Об использовании переметов свидетельствуют скопления одинаковых по форме и величине крючков (иногда их количество достигает 140-150). Изредка обычную ловлю дополняли охотой на крупную рыбу, о чем свидетельствует находка железной остроги [8, с. 212] и факельниц, состоявших из стержня со втулкой для деревянной ручки и обруча с радиально расположенными прутиками, прикрепленными внизу к обручу меньшего диаметра. Факельницы, по-видимому, служили для разведения огня при ловле рыбы острогой в ночное время [48, с. 49-50]. Таких факельниц найдено пока только три: в усадьбе 1 квартала XXV [48, с. 39, 49-50, рис. 35], в усадьбе 3 квартала XVII Северного прибрежного района [46, с. 148, рис. 40а] и в усадьбе VII квартала I Северо-восточного района [7, с. 54-55].

Как драга для сбора раковин устриц, гребешков, мидий со дна моря определен железный инструмент с загнутыми зубьями, найденный в усадьбе 3 квартала XXIX Северного прибрежного района [8, с. 211, рис. 23,2]. Кроме того, находка инструмента, похожего на драгу, отмечена в усадьбе 1 квартала XV [47, с. 93]. Правда, следует отметить, что иногда в археологической литературе похожие инструменты определяют как скребницы для лошадей [53, p. 128, fig. 153a-b].

Рыбу, главным образом, солили: практически в каждой усадьбе находят пифосы с остатками соленой рыбы, которую вычерпывали с помощью специальных глиняных цедилок, находимых, как правило, внутри или рядом с пифосами. Соль в Херсонесе, по-видимому, не была слишком дорогим товаром, т.к. добыча ее была традиционным занятием херсонеситов. По словам Константина Багрянородного, «в промежутке» между рекой Днепр и Херсоном расположены болота и бухты, «в которых херсонеситы добывают соль» [78, с. 175]. Однако, добывали ее, по всей видимости, и в непосредственной близости от города. В районе Херсонеса известно, по меньшей мере, 12 соляных озер: 2 – на Северной стороне Севастополя, на берегу Песочной бухты, 2 – у Круглой бухты, 5 – на Маячном полуострове, возможно, еще два озера были на берегах Южной и Артиллерийской бухт. Причем, соль на этих озерах добывали вплоть до XIX в. включительно [79, с. 21].

Сельскохозяйственные орудия, находимые в усадьбах города, свидетельствуют о том, что какая-то часть херсонеситов занималась земледелием, хотя оно также не было их основным занятием. Как в других районах Византии, в Крыму сельскохозяйственное производство зиждилось на сравнительно примитивном инвентаре и колоссальной роли ручного труда, основным орудием которого был архаичный плуг с подошвой и грядилем [80, с. 187]. В Херсоне найдено 17 массивных железных сошников, представляющих собой клиновидную немного выпуклую лопату с загнутой широкой проушиной в верхней части: два были найдены в одной из усадеб квартала XXII Северного прибрежного района [8, с. 261, рис. 104]; один – в усадьбе 1 в квартале XXV, раскопки 1956 года [17, л. 10]; три упоминаются в отчете о раскопках усадьбы, открытой в 1889 году в квартале IX-Б Северного района [9, с. 14]; три обнаружены в Портовом [77, с. 93; 11, с. 151], Северо-восточном [63, с. 166] районах и в центре города [64, с. 31; 81, с.15; 19, с. 30; 18, с. 73]; три были найдены в одном помещении на театральном участке в доме 1970 года [82, л. 18]; в кварталах, прилегающих к кафедральному собору [21, л. 24]. Для обработки земли использовали и какую-то часть уже упоминавшихся мотыжек-тесел. Кроме того, в отчетах упоминаются находки 6 цапок (усадьба 3 в квартале XVI [47, с. 98]; усадьба 2 в квартале XXV [48, с. 60, рис. 46]; одна из усадеб квартала XXIX («цапка или зубатка с мелкими зубцами по краю») [8, с. 214]; усадьба 1 квартала X [1, с. 213, рис. 18,3]; в центральной

части городища было найдено 2 «большие цапки» [15, с. 58]), 6 серпов (усадыба 1 в квартале XXV [48, с. 50-51, рис. 36]; усадыба 2 квартала XXV (раскопки 1956 года) [49, с. 57]; усадыба IX-Б [51, л. 26]; усадыба 2 квартала X-A [21, л. 32]; центральная часть городища [15, с. 58]; театральный участок [70, л. 2]) и 2 косы (в квартале XXV Северного прибрежного района [48, с. 50, 57, рис. 36]).

Усадыбы, в которых найден сельскохозяйственный инвентарь, не концентрируются в каких-то определенных кварталах, а рассеяны по всему городу, и где располагалась земля, которую обрабатывали хозяева этих усадеб, сказать трудно¹¹. Известно, что в других центрах византийского мира сады, огороды и виноградники располагались как вне, так и внутри городских стен. Идриси, описывая византийские города (Адрианополь, Редесто, Афины, Серы, Зихны, Сердику, Лариссу и другие), всякий раз подчеркивает наличие в них полей и виноградников; даже о Никее сообщается, что оттуда в Константинополь везли овощи. В Антиохии Пселл замечает, прежде всего, источники воды, пшеничные поля, плодовые деревья. Афины XII в. предстают перед нами как центр сельского хозяйства: часть домов разрушена, сообщает Михаил Хонигат, на их месте возделывается земля, а стоя превращена в пастбище [80, с. 197]. В одном из городов Армении возделывание пустыющей земли внутри *kastro* позволяло горожанам полностью обеспечивать себя продовольствием [83, р. 649]. Феофан засвидетельствовал наличие садов даже внутри константинопольских стен. По свидетельству Одо Дейльского, в Константинополе в пределах оборонительных стен были сады и пустыри, возделываемые плугом и лопатой. Это известие подтверждается рассказом Николая Месарита о нивах, садах и виноградниках церкви свв. Апостолов, которые размещались чуть ли не в центре города [80, с. 198]. Не думаем, что Херсон составлял в этом плане исключение, и, если плотная застройка в восточной половине города исключает наличие здесь земельных наделов, хотя редкие небольшие пустыри все же зафиксированы в Северном прибрежном районе, то предполагаемое отсутствие сплошной застройки в Западной части позволяет допустить, что именно там могли располагаться какие-то сады и огороды. Не исключено, что жителям Херсона принадлежали и какие-то пригородные земельные владения, как это было, к примеру, в Константинополе [80, с. 198].

Судя по находкам запасов зерна (1-2 пифоса на среднюю усадыбу), жерновов и сводчатых печей почти во всех усадыбах города, многие семьи старались

¹¹ Как было отмечено выше, в некоторых случаях трудно определить, находились ли выявленные сельскохозяйственные орудия труда в пользовании у самих хозяев усадыбы, или были предназначены для продажи, или речь идет о кузнечных мастерских, в которых ремонтировались орудия труда. Особенно это касается тех случаев, когда в одной усадыбе находят сразу несколько одинаковых инструментов.

самостоятельно обеспечить себя хлебом, который принадлежал к числу основных составных пищевого рациона византийца. Причем весь технологический процесс, от размола зерна до выпечки хлеба, как правило, производился в пределах одной усадьбы. Жернова были небольших размеров и приводились в движение вручную, хотя известны находки экземпляров большого диаметра, которые приводились в движение силой животных¹². Помимо жерновов, для размола зерна использовали специальные установки, в состав которых входили ступы, обычно врытые в земляной пол, и опора для рычага с пестом, которым размалывали зерно [8, с. 261, рис. 101; 48, с. 31].

Для выпечки хлеба служили специальные печи. Все они близки по конструкции, хотя и разные по размерам: под их вымощен черепицей с подсыпкой из гальки, ракушек и мелких черепков, а свод, сложенный из обломков черепицы на глиняном растворе, обложен каменным кожухом. Причем в некоторых усадьбах имелось по две печи, отличавшихся друг от друга размерами, техникой постройки и, по-видимому, имевших разное назначение.

Имелись в городе и хлебопекарни, выпекавшие хлеб на продажу. Возможно, три из них располагались в XXVIII квартале Северного района: в усадьбах 1 (две печи, 2 пары жерновов), 3 (три пары жерновов и три печи) и 6 (2 печи, 2 пары жерновов). Свою печь для выпечки хлеба имела предполагаемая богадельня, открытая в X квартале Северного района города (печь, 9 жерновов и грушевидная цистерна глубиной 5 м, в которой, возможно, хранили зерно). Не исключено, что часть выпеченного хлеба продавали в лавке, выходящей на II продольную улицу [85, с. 296]. Возможно, хлебопеки жили и к югу от «базилики на холме», где были открыты два здания, фундаменты которых располагались выше уровня вымостки X в. В первом, состоявшем из двух помещений, найдено 12 жерновов [86, с. 213]. Во втором, также состоявшем из двух помещений и двора, выявлены 9 жерновов, вкопанные в землю амфоры, а во дворе – печь, вероятно, предназначенная для выпечки хлеба. Черепица и амфоры датируют здание XII-XIII вв. [86, с. 214].

Существенную роль в жизнеобеспечении города играло, по всей видимости, скотоводство. Скот держали во дворах усадеб, где часто находят служившие кормушками каменные корыта, остатки навесов и каменных загородок. Причем держали скот в усадьбах, расположенных не только на окраинах, но и в центре города. Так, несколько поилок для скота было найдено в квартале XC VII, выходящем на главную улицу [87, с. 281], а в одном из наиболее престижных кварталов (X-A) рядом с кафедральным собором пред-

¹² Таковым, возможно, был жернов диаметром 68,0 см и толщиной 21,0 см из пористого известняка с крестообразным вырубом и отверстием в центре, обнаруженный во дворе усадьбы 1 квартала III Северо-восточного района города [7, с. 65].

полагается наличие хлева: одно из помещений усадьбы 2 (помещение 4) тонкой перегородкой было разделено на две половины, одна из которых, по мнению автора раскопок, предназначалась для взрослых животных, а другая – для молодняка. Во дворе перед помещением стояли каменное корыто-поилка и кормушка, а сено для скота лежало в восточном углу двора, под навесом, от которого сохранилась бутовая стенка, служившая опорой для крыши [85, с. 304]. Хлев, размещавшийся в небольшом помещении, в углу которого стояла кормушка в виде нижней части большого кувшина, был обнаружен также на довольно обширном дворе одной из усадеб XXV квартала [17, л. 12]. Еще один хлев, небрежно сложенный из мелких камней на грязи, выявлен во дворе одной из усадеб квартала XIII-XVIII [45, с. 299]. Однако, во всех случаях речь может идти только о совсем небольшом поголовье скота: незначительные размеры дворов усадеб не позволяли держать больше.

Подводя итог, приходится констатировать, что из многочисленных ремесел и промыслов, имевшихся в каждом средне- и поздневизантийском городе¹³, в Херсоне археологически зафиксированы лишь некоторые. По количеству выявленных орудий труда и различных приспособлений, представленных в слое пожара, они располагаются в следующем порядке. Первое место занимают выпечка хлеба (более 210 жерновов, около 40 ступ для размола зерна, большое количество сводчатых печей) и рыболовство (практически во всех усадьбах представлены рыболовные принадлежности). Большим количеством орудий труда представлены земледелие (18 сошников, 5 мотыг, 6 серпов, 6 цапок и 2 косы), обработка шерсти (24 щетки для чесания шерсти), строительное дело (22 зубатки, 2 штукатурные лопатки, 1 «молоток каменщицкий») и обработка дерева (3 пилы, 6 долот, 3 скобеля). Металлообработка, помимо мастерской по выплавке металла и нескольких предполагаемых кузнечных мастерских, представлена разрозненными находками тиглей (5),

¹³ По источникам, в поздневизантийском городе зафиксировано 84 ремесленных профессии. Среди них – бочары, бронзовщики, валяльщики, виноторговцы, воскоочистители, вофры, гончары, горшечники, дубильщики, живописцы, землекопы, зодчие, изготовители ручек, изготовители стрел, изготовители футляров для перьев, изготовители черенков для шил, каменотесы, камнерезчики, келари, косторезы, красильщики, кровопускатели, кузнецы, лавочники, лепщики по гипсу, литейщики, медицинские сестры, медники, металлисты, меховщики, мировары, меонетчики, оловянщики, пекари, плотники, повара, портные, поясники, прачки, продавцы железа, прядильщики, резчики по дереву, сапожники, строители, судостроители, сшивальщики кож, ткачи, токари, торговцы, фармацевты, хлеботорговцы... [108, с. 109]. Анализ сохранившейся налоговой описи небольшого провинциального города Никейской империи Лампсака с населением всего около 1 тысячи жителей показал, что в 1218 году в нем имелись кожевенная мастерская, 7 мельниц, текстильное и гончарное производство. Часть жителей этого приморского городка была связана со строительством судов и лодок, изготовлением орудий рыбной ловли и т.д. [88, с. 19-20, 25].

форм для отливки (9), одной наковальней и одним зубилом. Кроме того, в описываемом слое выявлено 18 топоров, назначение которых не определено, 3 молотка (2 из них – каменные), 4 кирки, 1 лом (?) и 1 бурав. Причем следует отметить, что ни в одной из усадеб не найдено ни одной комбинации орудий труда, инструментов, каких-либо приспособлений и отходов, свидетельствующих о специализации хозяев на каком-то ремесле. Выявленные в пределах одного хозяйства находки не выходят за рамки обычного жилого инвентаря (см. таблицу), а единичные инструменты и приспособления могли иметь самое различное применение внутри хозяйства и не могут служить твердым доказательством присутствия той или иной ремесленной мастерской. Скорее, они свидетельствуют о стремлении горожан сделать все необходимое своими руками. Последнее объясняется не отсутствием каких-то товаров на рынке, а присущим основной массе византийцев гораздо более уважительным отношением к созданному в доме, чем к покупному. Рынок казался византийцу ненадежным, хотя там и приобретали широкий ассортимент товаров, о чем свидетельствует, например, огромное количество привозной поливной посуды, которую находят во всех усадьбах города. Такие «антирыночные» настроения византийцев зафиксированы в письменных источниках. Житель столицы Евстафий Солунский гордится плодами из своего сада и, прежде всего, потому, что они – не привозные, не прошедшие через множество рук. Точно также Григорию Антиоху кажется, что продаваемые на рынке продукты непременно дурного качества. Николай Месарит восхищается экономической самостоятельностью монахов столичного храма свв. Апостолов, которые, производя хлеб на своих полях внутри городских стен, не опасаются ни набега иноземцев, ни морских бурь, ни враждебности пиратов или злокозненности моряков. Кекавмен советует избегать покупок на рынке: рачительный хозяин всегда позаботится, чтобы в доме производилось самое необходимое для господина и его людей [80, с. 198-199].

Крайнюю немногочисленность признаков производственной деятельности жителей города частично можно объяснить спецификой археологического материала, который не позволяет в полном объеме восстановить картину развития ремесел: если стекло, керамика и камень доходят до нас без существенных повреждений, то дерево, из которого делали довольно большое количество ремесленных инструментов и приспособлений, в крымской почве исчезает практически бесследно. Что касается изделий из металла, особенно железа, то из-за сильной коррозии некоторые из них утрачивают первоначальную форму и распадаются на бесформенные куски, что затрудняет их идентификацию, а такие предметы, как ножи, иглы, шилья и некоторые другие лишённые массивности инструменты также могут полностью «раствориться» в крымской почве. Кроме того, в описываемое время существовали производства, следы

которых археологически обнаружить трудно, если вообще возможно. К таковым можно отнести, например, изготовление свечей, мыла, обработку кожи или мехов¹⁴, под которыми в то время подразумевали и овчину, и т.п.

Следует учитывать и тот факт, что большинство ремесленников в Византии работали в одиночку или использовали одного-двух помощников, а сами мастерские, как правило, занимали одно небольшое помещение на первом этаже усадеб, где не только проходил производственный процесс, но и продавали готовую продукцию [80, с. 184]. Представление о размерах византийских мастерских дали раскопки в Коринфе, в ходе которых не было открыто ни одного крупного ремесленного или торгового заведения [41, р. 297]. Так, одна из двух выявленных там стеклоделательных мастерских занимала одну из комнат (7,5х3,3 м) усадьбы размерами 20х44 м. В мастерской был только один горн, а на пространстве перед ним площадью всего 11 кв. м могли действовать только сам мастер и один помощник [41, р. 302]. Поэтому можно предположить, что крохотные мастерские, которых в городе, несомненно, было большинство, оставляли настолько незначительные следы своего присутствия, что в ряде случаев в ходе раскопок просто не выявляются.

И все же указанные причины не могут в полной мере объяснить довольно незначительное для города, считающегося крупным торговым и ремесленным центром Крыма и погибшего в результате внезапного пожара, количество найденных орудий труда¹⁵ и почти полное отсутствие четко выраженных следов ремесленных мастерских, при том, что, например, в Тырново археологически подтверждено наличие более 50 ремесел [6, р. 675]. Особенно трудно объяснить отсутствие следов гончарного производства, если не считать двух выше описанных керамических мастерских, функционирование которых в интересующее нас время не подтверждено прямыми доказательствами. В принципе, выявление гончарных печей возможно на еще не раскопанных участках городища, однако, учитывая тот факт, что верхний слой исследован на большей части территории города, надежд на это мало.

Важно отметить, что отсутствие выраженных следов ремесленных мастерских в слое пожара XIII в. наблюдается на фоне значительного объема импорта, представленного широким ассортиментом товаров, включающим амфоры, поливную и стеклянную посуду, бронзовую утварь и прочее [2].

¹⁴ Известно, например, что в Кафе в 80-х гг. XIII в. существовала улица, населенная скорняками [90, с. 168], обрабатывавшими меха, поступавшие в город извне.

¹⁵ На других памятниках их количество обычно довольно значительно. К примеру, только в одном хозяйственном помещении, открытом на небольшом укреплении Исар-Кая, были обнаружены ножи, двузубая мотыга, пила, садовый нож, долото, серп, скребки, шилья, мотыга, тесло, гребень для вычесывания шерсти, зубатка, 4 наконечника стрел и 12 заготовок для них, горн и т.д. [89].

Такое сочетание позволяет предположить, что жители города, ограничиваясь самостоятельным изготовлением простых, нужных в хозяйстве вещей для себя и небольшого круга ближайших потребителей, значительную часть необходимого получали извне, пользуясь выгодной ролью посредника, которую Херсон играл в торговле между Южным Понтом и Средиземноморьем, с одной стороны, и племенами, населявшими юг современной России и Украины, с другой.

Список орудий труда и инструментов из слоя пожара XIII в.

При составлении списка использованы те определения орудий труда и инструментов, которые были даны в отчетах авторами раскопок. В список не включены такие находки, как пряслица, иглы, грузила, рыболовные крючки и т.п., точное число которых в отчетах дается не всегда. Т.к. большая часть выявленных в ходе археологических исследований города орудий труда происходит из верхних слоев, мы посчитали правомерным включить в список и упоминаемые в Отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича, хотя там, как правило, сведения об условиях находки отсутствуют.

Кроме того, следует отметить, что до сих пор найденные в ходе раскопок Херсонеса орудия труда не были предметом специального исследования, что не исключает ошибок при их идентификации и определении назначения. В качестве примера можно привести упомянутые выше мотыги-тесла или топоры, многочисленные разновидности которых имели абсолютно разное назначение. **Жернова** – около 210, за исключением тех случаев, когда в отчетах не указывается количество находок, в том числе 41 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Каменные ступы – около 40.

Тигли – 5.

Формы для отливки – 9, в том числе 7 – для отливки свинцовых грузил, из которых 5 происходят из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Наковальни – 1.

Клещи кузнечные – 1.

Зубила – 2, в том числе 1 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в центральной части города [15, с. 58].

Пилы – 3.

Топоры – 18, в том числе 1 каменный и 1 топор-тесло; 5 происходят из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Скобели – 3.

Долота – 6, в том числе 3 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, включая одно каменное.

Бурав – 1 из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Кирки – 4, в том числе 1 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

- Молотки** – 4, в том числе 2 каменных и 1 «молоток каменьщицкий»; последний и один из каменных молотков, найденный на участке храма с ковчегом [91, с. 111] – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
- Зубатки** – 22, в том числе 3 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
- Штукатурные лопатки** – 3, в том числе 1 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
- Сошники** – 18, в том числе 7 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
- Мотыги** – 5.
- Серпы** – 6, в том числе 1 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
- Косы** – 2.
- Цапки** – 6, в том числе 2 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в центральной части города [15, с. 58].
- Лопаты** (жел. обкладки лопат?) – 1.
- Лом** – 1.
- Гончарные круги** – 2.
- Факельницы** – 3.
- Остроги** – 1.
- Драги** – 2.
- Ножницы** – 2, в том числе 1 – из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в районе юго-восточной части оборонительных стен [36, с. 40].
- Гребенки для шерсти** – 24.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
2. Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
3. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
4. Романчук А.И. Раскопки портового квартала 2 Херсонесского городища // АО 1980 года. М., 1981.
5. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
6. Dochev K. Tu'rnovo, Sixth–Fourteenth Centuries // ЕНВ. Washington, 2002.
7. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
8. Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. 1941. № 4.
9. ОАК за 1889 год. СПб., 1892.
10. Кадеев В.И. Раскопки в «центре участка» // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9.
11. Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986.
12. Якобсон А.Л. Отчет о раскопках средневековых слоев Херсонеса в 1941 и 1947 годах // Архив НЗХТ. Д. 625.
13. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. 1953. № 34.
14. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 году // Архив НЗХТ. Д. 2849.

15. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. СПб., 1904. Вып. 9.
16. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 году // Архив НЗХТ. Д. 1283.
17. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1956 году // Архив НЗХТ. Д. 728
18. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. СПб., 1905. Вып. 16.
19. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. СПб., 1906. Вып. 20.
20. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 году // Архив НЗХТ. Д. 1685.
21. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1987 году // Архив НЗХТ. Д. 2771.
22. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках квартала X-Б в Северном районе Херсонеса в 1999 году // Архив НЗХТ. Д. 3429-3430.
23. Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991.
24. Хэлдон Дж. История Византийской империи. М., 2007.
25. Золотарев М.И. Раскопки у «храма с ковчегом» в Херсонесе // АО 1971 года. М., 1972.
26. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1991 году // Архив НЗХТ. Д. 3079.
27. Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М.Я. Сюзюмова. М., 1962.
28. Bouras Ch. Urban Planning in Middle and Late Byzantine Cities // *Deltion te christianikis archeologiki eterias. Periodos Δ. Tomos K. Athens*, 1999.
29. Morgan Ch.H. *The Byzantine Pottery. Corinth. Vol. XI. Cambridge*, 1942.
30. Пятышева Н.В. Отчет о раскопках ГИМа в Херсонесе в 1946 году // Архив НЗХТ. Д. 575.
31. Пятышева Н.В. Славянская керамика // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
32. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
33. François V. *La céramique Byzantine à Thasos // Études Thasiennes. Athènes*, 1995. XVI.
34. Papanokola Bakirtzis D. *The Palaeologan Glazed Pottery of Thessaloniki // L'art de Thessalonique et des pays Balkaniques et les courants spirituels au XIVE siecle. Belgrade*, 1987.
35. François V., Spieser J.-M. *Pottery and Glass in Byzantium // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington*, 2002.
36. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
37. Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
38. Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
39. Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
40. Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
41. Davidson G.R. *A Mediaeval Glass-Factory at Corinth // AJA. 1940. Vol. XLIV.*
42. Bouras Ch. *Aspects of the Byzantine City, Eighth–Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington*, 2002.
43. Оустерхаут Р. Византийские строители. Киев; М., 2005.
44. Bouras Ch. *Master Craftsmen, Craftsmen, and Building Activities in Byzantium // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington*, 2002.
45. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Симферополь, 1938.

46. Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 года) // МИА. 1953. № 34.
47. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34.
48. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. Симферополь, 1959. Вып. V.
49. Белов Г. Раскопки в Херсонесе в 1956 году // СГЭ. Л., 1957. Вып. XII.
50. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 году // Архив НЗХТ. Д. 1842.
51. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках IX квартала в Северном районе Херсонеса в 2000 году // Архив НЗХТ. Д. 3484.
52. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в Северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1998. Вып. IX.
53. Borisov B.D. Djadovo. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th-12th Century) // Tokai University Press. 1989. Vol. I.
54. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1985 году // Архив НЗХТ. Д. 2624.
55. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса // Архив НЗХТ. Д. 2402-2403.
56. Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953. № 34.
57. Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.
58. Золотарев М.И. Раскопки средневекового жилого дома в Херсонесе // АО 1970 года. М., 1971.
59. Домбровский О.И., Орлов К.К., Кутайсов В.А. Раскопки на участке античного театра в Херсонесе // АО 1976 года. М., 1977.
60. Кадеев В.И. Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I-IV вв.н.э. // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
61. Каждан А.П. Деревня и город в Византии. IX-X вв. М., 1960.
62. ОАК за 1890 год. СПб., 1893.
63. ОАК за 1896 год. СПб., 1898.
64. Золотарев М.И. Раскопки в восточном и южном секторах // Архив НЗХТ. Д. 1411/1. Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г.
65. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет г. Заведывающего раскопками в Херсонесе за 1894 год // ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
66. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32.
67. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. Т. II.
68. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1975 г. // Архив НЗХТ. Д. 1760.
69. Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. 1955. XXIV.
70. Баранов И.А. Отчет о раскопках в северо-восточном секторе участка античного театра и храма «с ковчегом» (Северо-восточный раскоп) // Личный архив И.А. Баранова.
71. Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне: по материалам раскопок Портового квартала 2 // АДСВ. Екатеринбург, 1997.
72. Shamaev A. Use-wear Analysis of Bone and Antler Artefacts of Medieval Cherson // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
73. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. Д. 2477-2478.
74. Белов Г.Д. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // СА. 1941. VII.
75. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 году // Архив НЗХТ. Д. 1909.
76. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1984 г. // Архив НЗХТ. Д. 2480.
77. ОАК за 1895 год. СПб., 1897.
78. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
79. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э. Харьков, 1970.
80. Каждан А.П. Из экономической жизни Византии XI-XII вв. // Византийские очерки. М., 1971.

81. ОАК за 1892 год. СПб., 1894.
82. Золотарев М.И. Раскопки в южном секторе // Архив НЗХТ. Д. 1505. Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 году.
83. Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Acten. 1/2. Wien, 1981.
84. Романчук А.И. Поздневизантийский «квартал хлебопеков» в Херсонесе (квартал XXVIII) // ВВ. 1987. Т. 48.
85. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
86. Беляев С.А. Работы Херсонесской экспедиции // АО 1984 года. М., 1986.
87. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в Северо-Восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
88. Литаврин Г.Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII-XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампасака) // ВВ. 1976. Т. 37.
89. Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2.
90. Старокадомская М.К. Солхат и Кафа в XIII-XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
91. ОАК за 1897. СПб., 1900.
92. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1972 году // Архив НЗХТ. Д. 1419.
93. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 году // Архив НЗХТ. Д. 1685.
94. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 году // Архив НЗХТ. Д. 1719.
95. Белов Г.Д. Отчет о раскопках на Северном берегу (кварталы XXIX, XXV и XX) в 1978 году // Архив НЗХТ. Д. 2021.
96. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «Б» квартала в Северном районе Херсонеса в 1997 году // Архив НЗХТ. Д. 3344.
97. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса // ХСБ. Севастополь, 1997. Вып. VIII.
98. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1989 г. // Архив НЗХТ. Д. 2916.
99. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1990 г. // Архив НЗХТ. Д. 2972.
100. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. VII.
101. Кучма В.В., Романчук А.И. Раскопки на юго-восточном участке Портового района // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9.
102. Романчук А.И. Изучение слоев XII-XIII вв. // АО 1981 года. М., 1983.
103. Домбровский О.И. Отчет о раскопках 1955 года античного театра и храма с ковчегом // Архив НЗХТ. Д. 712.
104. Паршина Е.А. Доследование «дома 1964 года» // Архив НЗХТ. Д. 1820/3.
105. Отчет о раскопках античного театра и «Храма с ковчегом» в Херсонесе. 1970 год // Архив НЗХТ. Д. 1411.
106. Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 г. // Архив НЗХТ. Д. 1505.
107. Домбровский О.И., Орлов К.К., Кутайсов В.А. Отчет отряда Крымской комплексной экспедиции за 1976 год // Архив НЗХТ. Д. 3741.
108. Сметанин В.А. О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города // АДСВ. Свердловск, 1972. Вып. 8.

Golofast L. A.

**Crafts and Household Activities in Chersonessos in the 13th century
(based on finds from the layer of fire)**

Summary

Chersonessos, systematically explored from the end of the 19th century, is of great interest for the research in the field of Late Byzantine town. The excavations of the dwelling quarters abruptly burnt in the third quarter of the 13th century brought to light the complete complex of artifacts that had been in use just before the fire, providing an insight into everyday-life of the residents. Yet the fire layer has produced a surprisingly limited number of traces of the household activities. The most numerous are connected with bread baking (more than 210 millstones, about 40 mortars and a lot of vaulted ovens), fishery (practically in all houses fishing equipment is present) and tools connected with clothes-making and wool carding (24 iron carders, numerous whorls, needles and thimbles). These are followed by farming (18 ploughshares, 5 mattocks, 6 sickles, 6 hoes and 2 scythes), building activity (22 dressing axes and 2 plasterer's shovels) and woodworking (3 saws, 6 adzes, 3 planers). Metalworking, beside metallurgy workshop and several suggested smithies, is represented with innumerous separate finds (5 crucibles, 9 moulds, 1 anvil and 1 chisel). Besides, in the layer 18 axes, 3 hammers, 4 picks, 1 crowbar (?) and 1 borer have been unearthed. These implements don't constitute a set characteristic of some industrial production, but represent ordinary household equipment.

Almost complete absence of the pronounced traces of workshops is observed along with a large volume of import, represented with a vast assortment of commodities, including amphorae, glazed and glass ware, bronze goods and so on. Such a situation allows suggesting that Chersonessos residents, producing some simple things for themselves and some neighbors, received all the rest from the outside deriving profit from the position of the town on the crossroad of the routes connecting South and North.

Таблица. Орудия труда, инструменты и другие находки, связанные с хозяйственной деятельностью

Квартал	№ усадьбы	№№ помещений	Степень сохранности слоя	Орудия труда, инструменты, различные хоз. приспособления и помещения, следы производств	Год раскопок и литература
1	2	3	4	5	6

СЕВЕРНЫЙ ПРИБРЕЖНЫЙ РАЙОН*

XIV	1	1, 2, 3, 5 (двор), 6, 7	Частично разрушен морем и во время Крымской войны	4 жернова и обломки жерновов, известняковая ступа, известняковое корыто, хлев, каменная круглая терка(?), бронзовая ступка, зубатка, пила, 4 точильных бруска, оселок, прясло, печь	1936 45, с. 288-303
XIV	2	4, 8 (двор), 9-14	Пом. 9, 10, 13 разрушены при строительстве бани монастыря; пом. 4 частично размыто морем	2 жернова, мраморная ступка, кирка, глиняное грузило, прясло, переносной тарапан (?), печь	1936 45, с. 303-309
XIV	3	15-20	1 слой в пом. 15-18 и 20 снят в ходе Крымской войны	Ступа	1936 45, с. 309-310
XV	1	1, 2, 4, 7 (двор), 5-6 (баня), 21	Хорошая	2 жернова, топор, большой точильный камень, несколько глин. грузил, железный предмет в виде изогнутого стержня (драга?), 2 гребенки, прясло, печь (?), 2 бронзовых чашечки и железное коромысло (?) от весов	1937 47, с. 91-97 Помещение 21: 1936 45, с. 311-313
XVI	3	11-15, в т.ч. 14 и 15 – Г-образный двор	Хорошая	Цапка, 3 грузила, колодец, очаг	1937 47, с. 98
XVI	4	29, 30, двор	Хорошая	2 жернова, печь, колодец	1937 47, с. 98-99

* Деление на усадьбы дано, по отчетам Г.Д. Белова.

XVII	1	3, 8 (участок квартала XV), 1, 2 и 25 (2, 8 и 25 – двор)	Хорошая	Каменная ступа, железный стержень с острым концом, 21 грузило, прясло, колодец, очаг	1940 46, с. 135-140 Помещения 3 и 8: 1937 47, с. 97-98
XVII	2	3-6, 21, 23, (23 и 4 – двор)	Хорошая	4 жернова, каменное корыто, зубатка, точильный камень, несколько глиняных грузил, воловья подкова, печь, очаг(?)	1940 46, с. 140-148
XVII	3	7-9, 22, и двор (15, 19, 20)	Хорошая	5 жерновов, ступа, 2 каменных корыта, нож, меч, точильная плита, 2 грузила, факельница для ловли рыбы, гребенка д/шерсти, 2 прясла, очаг (?), чашечка с цепочкой от весов	1940 46, с. 148-152
XVII	4	10-14 (двор), 14-18	Хорошая	7 жерновов, каменная ступа, 2 каменных корыта, зубатка, скобель, жел. лопатка, 162 грузила, иголка, наперсток	1940 46, с. 152-155
XVII	5	18, 17, 16 (каморка), 24 (двор)	Верхний слой в пом. 24 частично уничтожен во время Крым. войны	Несколько жерновов, каменная ступа, зубатка, топор, точильные бруски, 5 грузил, колодец	1940 46, с. 155-158
XVIII	-	2, 2а, 2б, 3, 4, 5	Хорошая. Верхний слой в Зап. и СЗ части квартала снят во время Крым. войны	Жернов, 3 глин. тигелька	13, с. 224-228
XVIII	-	6, 9	Принадлежат двум разным усадьбам, снесенным во время Крымской войны	Очаг	13, с. 228
XIX	-	Зап. пом. (двор)	СЗ часть пом. разрушена морем	Обломок жернова	1935 45, с. 133
XIX	1	1-4, двор	Хорошая	2 пары жерновов, пила, глин. грузила, пряслица	69, с. 278-279
XIX	Вост. дом	-	Снесен в XIX в. при устройстве	-	69, с. 279

			монастырской вымостки и холма для беседки		
XX		1-9, 4 (двор)	Верхний слой сильно поврежден в результате деятельности монастыря по устройству сада, беседки, дорожки, а также во время Крым. войны	3 жернова, мраморная ступа, обломок молотка, 12 рыболовных грузил, крючок рыболовный, гребенка д/шерсти, игла бронзовая, наперсток, несколько пряслиц, 2 печи	57
XXII		I (двор)-III, IV (двор)-V	II, III сильно разрушены в ходе Крымской войны; зап. угол пом. V разрушен морем	Жернов, мраморная ступа, каменное корыто, форма для отливки колец, втулка от инструмента, предмет в виде меча, рукоять ножа, 2 оселка, 7 грузил, гребенка д/шерсти, прясло, 3 печи, очаг	1933 8, с. 253-258
XXII		VI	Почти все разрушено морем	Ступа-плита д/размола зерна (?), жел. втулка инструмента, 4 бронз. рыболовных крючка, очаг	1933 8, с. 258-259
XXII		VII	Хорошая	Ручка ножа, жел. предмет со втулкой и крючком, 7 грузил, жел. цепь от весов (?)	1933 8, с. 259-260
XXII		VIII-XII (двор)	Хорошая	3 жернова, установка для размола зерна (ступа и столбик), каменное корыто, 2 сошника, широкое долото, жел. втулка, жел. рукоять меча или кинжала, 2 оселка, 6 точильных камней, 48 грузил, 102 бронз. рыболовных крючка, прясло, очаг	1933 8, с. 260-264
XXV	1	1, 2, 4 и двор	Хорошая	7 жерновов, установка для размола зерна (ступа и упор для рычага), каменное корыто, коса, серп, мотыга, топор, 2 зубатки, кирка, нож, множество фрагментов разнообразных неопределяемых железных предметов, точильный	1955 48, с. 30-56

				камень (38x27x9 см), 9 плит для изготовления жерновов, якорная (?) железная цепь длиной ок. 2 м, больше 21 грузила, факельница для ловли рыбы, 2 печи	
XXV	2	5-8 (двор), 10	Хорошая	2 пары жерновов, каменное корыто, коса-горбуша, цапка, зубатка, штукатурная лопатка, пенька, куча кусков смолы, стержень для каната судна, 2 рыболовных крючка, 2 пряслица, хлев	1955 48, с. 56-62
XXV	3	11-13, двор	Хорошая	Пара жерновов, каменное корыто, 2 ножа, куски якорной цепи, несколько грузил	1955 48, с. 62-66
XXV		XI (сторожка при кладбище)	Хорошая	Грузило, печь	1932 8, с. 242
XXV		I	Хорошая	Жернов	1932 8, с. 244
XXV		II, III, V (двор)	Сев. угол пом. II разрушен морем	2 известняковые ступы, бронзовая дуга с дырочками на концах (возможно, от деревянной лопаты), 2 оселка, бронз. ситечко, 14 грузил, пряслице	1932 8, с. 245-147
XXV		IV (возможно, составляет одну усадьбу с пом. II, III, V)	Хорошая	Каменное корыто, мотыга, каменный топор, проколка, оселок, бронз. крючок, грузило, печь, очаг	1932 8, с. 247-248
XXV		Пом. VI	Сев. угол пом. разрушен морем	Жернов, нож	1932 8, с. 249-251
XXV		Пом. VII	СЗ стена разрушена морем	Колодец	1932 8, с. 251
XXV		Пом. VIII	Разрушено морем	-	1932 8, с. 251
XXV		Пом. IX	Сев. угол	Жернов, обломок ступы,	1932

			разрушен морем	рыболовный крючок, грузило	8, с. 251
XXV	1	9-12 (10 – двор)	Хорошая	2 пары жерновов, установка д/размола зерна, сошник, форма д/отливки свинцовых грузил, 3 ножа, гребенка д/шерсти, хлев (?)	1956 17, л. 5-13
XXV	2	4-8 (двор)	Хорошая	Серп, зубатка, наперсток, пряслице, очаг	1956 17, л. 15-23
XXV	3	13-16	Хорошая	Жернов, каменная ступа, звенья якорной цепи	1956 17, л. 23-27
XXVII	Продолжная ул.	-	Слой мешаный, содержащий среди прочего ядра Крым. войны	Пряслице, грузило, куски железного шлака	1969 16, л. 14-15
XXVIII		1 (связи с соседними усадьбами не выявлено)	Хорошая	Точильные камни, оселок, 2 грузила, печь	1969 16, л. 17-20
XXVIII		3, 4, 7, 6 (двор)	Хорошая	2 пары жерновов, цапка, мотыга, топор, кирка, зубатка, ручка ножа, ножи, нож-меч, много точильных камней в разных помещениях, 4 подковы(?), 5 грузил, 2 рыболовных крючка, гребенка д/шерсти, наперсток, 4 пряслица, иглы, проколка, щипчики, печь	1969 16, л. 20-28
XXVIII		12	Хорошая	2 жернова, булава (?), нож, ножницы, вилка с двумя остриями, 2 рыболовных крючка, грузило, очаг	1972 92, л. 4-8
XXVIII		13, 14, 16, 21-23	Хорошая	9 жерновов, каменное корыто, штукатурная лопатка, орудие с загнутым концом, булава, копье (?), нож, каменный якорь, 32 свинц. грузила и куски свинца (отходы?), 4 глин. грузила, 4 пряслица, 2 печи, чашечка от весов	1973, 1974 93, л. 10-13 94, л. 16-19
XXVIII		15, 17-	Хорошая	9 жерновов, ступа, каменное	1973, 1974

		20, 26, 27		корыто, долото, 2 зубатки, стиль, жел. якорь, более 10 рыболовных крючков, 98 грузил, 2 гребенки д/шерсти, 3 пряслица, печь	93, л. 13-17 94, л. 21-23
XXVII		24, 25, 33	Хорошая	Обломки нескольких ступок, 2 ножа, грузила, рыболовный крючок, печь, очаг	1973, 1975 94, л. 19-21 68, л. 21
XXVIII		28, 29, 30	Хорошая	2 жернова, 2 ступки, долото (?), скобель (?), ножи, наконечник стрелы, 22 грузила, гребенка д/шерсти, 5 пряслиц	1974 94, л. 23-25 68, л. 11-14
XXVIII		34, 35, 38, 39 (двор), 40	Хорошая	2 жернова, ступа, ступка, скобель (?), зубатка, нож, крючок, гребенка д/шерсти, печь, колодец	1975, 1976 68, л. 14-19 50, л. 7-9, 12
XXVII		15, 18, 31, 36	Хорошая	–	1975 68, л. 19-20
XXVIII		37, 41 (двор), 43	Хорошая	Печь, колодец	1976 50, л. 9-11
XXVII		42	Хорошая	2 жернова, каменный якорь	50, л. 5
XXIX	1	20-22	Большая часть разрушена морем и рвом французской батареи	Грузила, прясло	1931 8, с. 210
XXIX	2	1, 2, 7	Хорошая	Плита д/размола зерна, железное орудие в виде маленькой мотыги, рыболовные крючки, грузила, 61 грузило, прясло	1931 8, с. 210-211
XXIX	3	3-6,8	Хорошая	2 жернова, плита д/размола зерна, ступка, зубатка, ножи, 2 куса пемзы, острога с тремя зубцами, драга из 4х зубьев, более 17 грузил, 23 рыболовных крючка, гребенка д/шерсти, игла или шило, 3 прясла, печь, 2 бронз. чашечки от весов	1931 8, с. 211-212
XXIX	4	9-12, 12 с колод- цем – общий	Хорошая	2 жернова, 3 каменные ступы, зернотерка(?), мотыга или инструмент д/обработки дерева (скобель или топор с	1931 8, с. 212-213

		двор усадеб 4 и 5		поперечным лезвием), кинжал, жел. стержни, оселки, рыболовные крючки и грузила, кост. игла и шило, очаг	
XXIX	5	16, 17, 18, 19, возм- но, 10- 11	Почти вся разрушена морем	Кост. шилья и плоский стиль	1931 8, с. 213-214
XXIX		44	Хорошая	Наперсток, проколка	50, л. 12-14
XXIX		45 (двор), 49, 50, 51, 57 (двор)	Хорошая	Каменная ступа, каменное корыто, пряслице, 2 проколки, колодец	1976 50, л. 15-16, 19, 22 75, л. 9-10, 11
XXIX		52	Хорошая	2 глин. грузила, 2 пряслица, печь	1977 75, л. 12
XXIX		53 (пус- тырь?)	Хорошая	Грузила, колодец	1977 75, л. 12-13
XXIX		56 (пус- тырь?)	Хорошая	Каменная ступа и каменный якорь	1977 75, л. 13
XXIX		46, 47	Хорошая	Нож, пряслице	1976 50, л. 16-17
XXIX		13, 14, 15, 48 (двор)	Хорошая	2 жернова, цапка или зубатка с мелкими зубцами по краю, втулка жел. предмета, оселок, куски каната, 20 грузил, рыболовные крючки, пряслица, очаг	1931, 1976 8, с. 214-216 50, л. 18
XXIX		58-61, 60 (двор)	Хорошая	3 жернова, 2 грузила, крючок рыболовный, печь, очаг	1977 75, л. 13-15 95, л. 2-3

СЕВЕРНЫЙ РАЙОН

VIII		1-9	Хорошая	3 жернова, каменная ступа, жел. скребок, нож, 46 грузил, медные иглы для плетения сетей, гребенка д/шерсти, 2 пряслица	1984 73, л. 8-31
IX-Б		1-11	Хорошая	2 жернова, серп, топор- тесло, 3 зубатки, игла д/плетения сетей, глин. грузило, 24 свинцовых грузила, 2 гребенки	2000 51, л. 4-37

				д/шерсти, пряслице, 2 наперстка, игла, шило, стиль, печь, чашечка от весов	
IX-Б		Сев. часть квартала раскопана в 1889 г.		«...склад металлических изделий: большой железный церковный ставник, 5 обломков железных якорей, 3 железных наконечника плуга, 147 больших медных рыболовных крючков, множество кусков железа, сильно поврежденных ржавчиной, и 12 серебряных монетных слитков по ½ фунта каждый»	
X	1	1-4, 6-8 (двор)	Хорошая	6 жерновов, тяпка, литейная форма или форма для тиснения, ручка витая от инструмента, 21 грузило, игла для плетения сетей, 2 гребенки для шерсти, пряслице, бронзовая гирька-разновес	1986 1, с. 185-187
X	2	11-16, 19, 20, 14 (двор)	Хорошая	9 жерновов, цистерна для хранения зерна, рукоять ножа, булава, 4 пряслица, печь, гиря	1986 1, с. 187-192
X		Пом. 5, не связанное с усадьбами	Хорошая	Игла для плетения сетей	1986 1, с. 191
X		9, 10, 16, 21 (относятся к усадьбам, расположенным за монастырской оградой)	Хорошая	10 грузил	1986 1, с. 191-192
X-А	1	Двор, 1-7	По пом. 2 прошел окоп 2-й Мировой войны, юж.	2 жернова, 3 бронз. ступы и пестиками, обкладка сбруи, подкова, сошник, пила, нож, жел. скребок, жел. лопатка,	1987 21, л. 2-26

			часть усадьбы занята монастырскими постройками	топор, кольчуга, кусок смальты темно-синего цвета (д/браслетов??), гребенка д/шерсти, наперсток, пряслице, 2 печи, бронз. чашечки от весов, безмен, 3 разновески, 2 набора разновесов	
X-A	2	Двор, 1-5	2 помещения усадьбы разрушены монастырской оградой, по двору прошел окоп 2-й Мировой войны	Серп, наковальня (?), форма д/отливки подвесных пломб, капкан (?), большое кол-во жел. круглых бляшек от сбруи (?), 3 пряслица, бронз. разновеска и крышка от набора разновесов	1987 21, л. 26-34
X-A	3	1-2	Хорошая	2 глин. тигелька, каменные терочники, каменный инструмент для разглаживания или шлифовки, слой известкового отеса толщиной 0,4 м	1988 14, л. 2-7
X-A	4	1-5, 4 (двор)	Хорошая	Каменная поилка, 4 пряслица, 3 наперстка, колодец	1988 14, л. 7-14
X-A	5	6, 13-18, 16 (двор)	Хорошая	Чашечка от весов (?)	1988 14, л. 14-18
X-A	6	7, 8, 10 (двор), 11, часовня	Хорошая	Зубатка, кост. игла д/плетения сетей, 45 грузил	1988 14, л. 19-22
X-Б			Усадьбы разрушены, а слои перекопаны в ходе строительства монастырских ограды и часовни	-	1997 96

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ РАЙОН*

I	1	9, 17/2, 20,	Сохранилась частично.	-	7, с. 48-49
---	---	--------------	-----------------------	---	-------------

* Деление на усадьбы дано, по Л.А. Якобсону [7, с. 48-89].

		часовня (17)	СВ часть квартала занимает батарея Канэ		
I	2	6-8,10 (двор), 11	Хорошая	Каменная ступа, корыто, каменный молоток, 16 грузил, несколько свинцовых колец	7, с. 49-51
I	3	12-15, 27, 14 (двор)	Хорошая	Каменная ступа	7, с. 51
I	4	2а, 3а, 4а (двор)	Хорошая	Жернов, 2 каменных ступы и корыто, обложенная камнем хоз. яма для хранения зерна (?), печь	7, с. 51-52
I	5	7а, 6, 6а, 14 (двор), 33, 33а	33, 33а были раскопаны в 70-х гг. XIX в.	Мраморная ступа, железный лом (?), игла для плетения сетей, грузила, 2 пряслица, медная гиря	7, с. 52
I	6	9а (двор), 10а, 11а,12а		9 фрагментов и 2 целых половины жерновов, каменная ступа, 2 печи	7, с. 52-53
I	7	Р (двор?), О1, N, L, M, N1	Часть уничтожена батареей Канэ, пом. Р, возможно, раскопано Одесским обществом	Каменная ступка с крестом, длинное острие, жел. орудие с загнутым концом, более 25 рыболовных крючков, более 8 грузил, жел. предмет длинный и тонкий (гарпун?), факельница для ловли рыбы, 2 разновеса, гиря круглая	7, с. 54-55
I	8	М	Усадьба полностью уничтожена батареей Канэ	30-40 грузил	7, с. 55
I		О2	Постройки в сев. части квартала уничтожены батареей, сох-сь лишь отд. помещ-я	2 жернова, каменная ступка, фрагменты больших жел. предметов, 3 грузила	7, с. 55
II Сев. часть квар- тала		R1, S, V	Хорошая	Жел. инструменты (какие, не уточняются), жел. якорь, 3 рыболовных крючка, еще крючки, куча грузил, свинцовые грузила	7, с. 58-59

раз-руше-на					
II	1	H, G, F, E	Хорошая	Жернов, 2 каменных ступы, рыболовный крючок и 27 грузил, печь	7, с. 59-60
II	2	15-17, X, 45 и 49 (двор)	Хорошая	22 куска железа	7, с. 60-61
II	3	19-22, 35 (двор)	Хорошая	Жернов, 2 каменных ступы, каменное корыто, грузило, рыболовный крючок, печь, очаг	7, с. 61-63
II	4	32, 23-25, 44, 49	Хорошая	30 грузил, печь	7, с. 63-64
III Час-тично рас-копан в 80-х гг. XIX в.	1	13 (V), 14 (IV), 21 (X), 22 (XI), 18 (XII) – двор	Хорошая	Жернов	7, с. 65-68
III	2	15 (III), 16 (II), 23, 20, 19 (XVI) – двор	Хорошая	2 каменных ступы, 2 топора, меч, печь	7, с. 68-70
III	3	17 (I), 24 (VII)-двор, 26 (XVIII), IX, VIII	Хорошая	Куски жерновов, каменная ступа, 11 жел. кружков 5, 6 и 7 см диаметром, 2 кружка со стержнем сбоку, многочисл. куски угля, жел. обломки, спекшиеся пластинки и куски стержней, 3 кам. грузила	7, с. 70-72
III	4	XX-XXIII, XXVI, XXVII	Зап. часть комплекса не сохранилась	Жернов, печь	7, с. 72-74
III	5	33, 34, 35, 37	Хорошая	Несколько жерновов, 2 каменных корыта, топор для тески, 61 грузило	7, с. 75-76
III	6	30, 31, 32, 36 и три	Хорошая	Пряслице	7, с. 76-77

		помещения б/№			
VI		1-4	Раскопан Р.Х. Лепером, полевая документация отсутствует	Лапа якоря, грузило, гирька-разновес	Доследование 1984 76, л. 5-8
VII		1, 5-8, 10-14		Бронз. ступка, топор, рукояти ножей, кост. иглы	11, с. 115
XCVII	4-5 усадеб	1-17	Половина квартала раскопана в 70-80-е гг. XIX в. Пом. 3 пострадало во время Крым. войны, пом. XIII, XIV раскопано К.К.Косцюшко-Валюжиничем	8 жерновов, несколько каменных поилок для скота, глиняный гончарный круг, зубатка, ручка ножа, обгоревший канат, жел. игла для плетения сетей, 5 свинцовых колец, грузила, рыболовные крючки, 2 гребенки д/шерсти, проколка, гирька-разновес	1991-1993 52, с. 182-194 87, с. 279-294
C		1-4	Частично нарушены воронкой 2-й Мировой войны	Пинцет, проколка, наперсток, пряслице	1989, 1990 97, с. 30-45 98, л. 19-25 99, л. 5-15

ПОРТОВЫЙ РАЙОН***

I	1а 16	20-26	Раскопаны в 1899 г.	-	11, табл. 10
I	2	42-45, 13, 14, 18	13, 14, 18 раскопаны в 1899 г.; 42-45 – 1963 г.	Жернов, 2 каменные ступы, пестик, сошник, свинцовая болванка цилиндрической формы (Д – 4,0 см, В – 4,5 см), 3 ножа, терочный камень размерами 33х6х4 см, грузило, пряслице, очаг	100, с. 19-25 11, с. 151
I	3	7-12, 49, 50	7-12 раскопаны в 1899 г.	Кусок крицы (помещение 51), оселки	100, с. 27-28
I	4	27-30, 39, 41	27-30 раскопаны в 1899 г.	-	100, с. 13-14
I	5	34, 37, 38	Верхний слой потревожен в начале XX в.	Номера помещений усадьбы 5 совпадают с номерами помещений усадьбы 7	11, табл. 10

*** Археологи, исследовавшие Портовый район, по-разному объединяли помещения в усадьбы. Мы следуем схеме, предложенной А.И. Романчук, хотя в разных публикациях исследовательница дает разные номера одним и тем же усадьбам. Так, усадьба, в состав которой входили помещения 46-48, в публикации 1973 года имеет номер 5 [101, с. 7], а в монографии 1986 года – номер 6.

I	6	46-48, 53		Грузила	100, с. 26
I	7	34, 37- 40	Траншея д/кабеля	2 пряслица	100, с. 14, 16- 19, 33-34
I	8	36а-г, 41	Хорошая	2 жернова, печь	100, с. 35-38 11, с. 131-138
I	9	56-62	Хорошая	Жернов, каменная ступа, каменное корыто, жел. шпоры, кузнечные или кричные клещи, зубила(?), 3 куска жел. шлака, сапожная игла, жел. ножи и рукояти ножей, несколько десятков рыболовных крючков, 2 гребенки д/шерсти, наперс- ток, колодец, 2 бронз. гирьки	100, с. 38-43 11 11, с. 139-145
I	10	46,48, 53,54		Куски спекшегося металла, шлак, конструкция для отмучивания глины, 6 грузил, печь	101, с. 8-10 11, с. 149-150
I	11	1-5	Раскопана в 1899 г.	-	11, табл. 10
		Площадь перед храмом с аркосол- лиями		3 куска жел. шлака, 4 ножа, медная игла	100, с. 50-52
Заст- ройка у башни XV		31-33		Каменное корыто	100, с. 45-48
II				Металлообрабатывающая мастерская XII-XIII вв., 90 рыболовных грузил, бронзовые разновесы	11, с. 152 102, с. 312

ТЕАТРАЛЬНЫЙ УЧАСТОК

		Дом 1964 года		Очаг	103, л. 10 105
		Дом 1970 года		3 жернова, 3 сошника, гончарный круг, топор, крица (?), бронзовая гирька и крышечка от набора разновесов	1970, 1971 105, л. 22-23 106, л. 15-21
		Дом 1976 года		5 обломков жерновов, нож, терочник, кост. проколка	107, л. 16-19